

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Месть еврея

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.

К85 Месть еврея / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 452 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77621-4

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная женскими, историческими и оккультными произведениями.

Блестящий роман «Месть еврея», действие которого происходит во второй половине XIX века в Венгрии, — это увлекательная и полная трагизма история о нежной любви успешного банкира и юной аристократки, благополучию которых мешают человеческие предрассудки. Но как часто в погоне за счастьем мы совершаем безрассудные поступки...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77621-4

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Стоял прекрасный весенний день. Щегольская карета, запряженная парой кровных лошадей, мчалась по оживленным улицам Пешта и остановилась у подъезда дома аристократической части города, а ливрейный лакей отворил двери экипажа. Из него проворно вышел молодой человек и, слегка кивнув головой на почтительный поклон швейцара, медленно стал подниматься по широкой лестнице с золочеными перилами в первый этаж.

— Батюшка вас спрашивал, сударь, — сказал лакей вошедшему, снимая с него пальто. — Теперь он в конторе, но просил вас подождать его в кабинете.

Молодой человек, не отвечая, прошел несколько комнат и вошел в кабинет отца. Это была большая комната, убранная с претензией на роскошь. Мебель с позолотой, мягкий ковер на полу, столы, уставленные драгоценными произведениями искусства, — все это гармонировало между собой. Лишь одно огромное бюро, заваленное бумагами, и большой массивный нескораемый шкаф свидетельствовали, что это кабинет делового человека.

Пройдясь нетерпеливо несколько раз по комнате, молодой человек бросился в кресло и, откинув голову на спинку, задумался.

Старый банкир Авраам Мейер был тип еврея, который, выйдя из ничтожества, создал себе неизвестно как огромное богатство. Родился он в жалкой лавчонке маленького провинциального города и был сначала мелким торговцем. С коробом на спине исходил он всю страну вдоль и поперек, не пропуская ни одного угла. Расчетливый и неутомимый, сопутствуемый той счастливой удачей, которая неизменно связана с работой еврея, Авраам быстро сколотил себе маленький капитал, и счастливая спекуляция сделала из него богатого человека, а время — банкира-миллионера. Хотя он сам остался евреем душой и телом, строгим блюстителем Мойсеева закона, но своему единственному сыну дал хорошее образование.

Самуил, родившийся после двенадцатилетнего бесплодного супружества и стоивший жизни матери, был идолом старика Мейера. Для него он работал, непрерывно накапливая богатство, для его образования он ничего не упустил из вида, и Самуил Мейер, надо сознаться, прекрасно воспользовался предоставленными ему средствами. Блистательно учился он сперва под руководством лучших профессоров, а затем в университете. По окончании курса наук он путешествовал, и это дало ему окончательную полировку. Он говорил на шести языках, хорошо рисовал и был прекрасным музыкантом.

Богато одаренный, но гордый и страстный, Самуил ненавидел свое еврейское происхождение, которое было причиной многих его неприятностей и замыкало ему двери действительно аристократических кругов, куда он так жаждал проникнуть.

Отец предоставил ему полную свободу. Он жил богато, занимался спортом, поддерживал отношения со своими стары-

ми школьными товарищами и золотой молодежью, которые охотно посещали его и еще охотнее, при случае, занимали у него деньги.

Старые приятели Авраама Мейера выговаривали ему, что сын его никогда не посещал синагоги и открыто не исполнял предписанный закон, постоянно вращаясь в обществе христиан и следуя их обычаям.

Старый банкир отвечал на это со сдержанным смехом:

— Пусть веселится, пока молод! Христиане сами постараются разочаровать его в своей дружбе, а когда он отрезвится, то вернется к вере отцов, которая все же живет в его сердце. Самуилу всего 25 лет, он добросовестный работник, у него есть деловое чутье и, когда пройдут увлечения молодости, он будет моим достойным преемником.

Довольно долгое время прошло после его приезда, но он этого не заметил, занятый своими думами. Тихо приподнялась бархатная портьера, и старик с седой бородой, худой и согбенный, остановился на пороге и пытливым взглядом посмотрел на сидевшего в кресле и погруженного в думы Самуила.

В эту минуту тот встал и, запустив руки в свои густые волосы, задыхающимся от злобы и отчаяния голосом сказал:

— О, какое проклятие принадлежать к этой презируемой расе, клеймо которой не может стереть ни образование, ни богатство!

— Ты ошибаешься, сын мой. Золото покоряет самые застарелые предрассудки, и гордые христиане низко кланяются еврею, чтоб получить от него презренный металл, который, пройдя через наши руки, не оставляет на себе клейма. Но с каких пор, — спросил банкир, тщательно запирая за собой дверь, — тебе пришла странная мысль презирать свой народ и желать быть христианином? Или мало их бывает у нас? — заключил он с лукавой улыбкой.

— Да, у нас бывают те, у кого дела с нами или которые тебе обязаны и потому боятся тебя обижать, — сказал Самуил. — И все-таки несмотря на наше гостеприимство, несмотря на их учтивость и мнимый тон равенства, который они принимают, в их отношении к нам звучит нота, от которой закипает моя кровь. Скольким моим старым школьным товарищам, скольким офицерам, толпящимся на наших балах, я помогал, не требуя ни гроша обратно, между тем, они, при случае, нередко давали мне чувствовать, какая пропасть разделяет нас.

— Это высокомерные и неблагодарные глупцы, как все гои, — сказал старый банкир, садясь в кресло. — Ты вот понимаешь, что эти люди приходят к нам лишь из-за материальных интересов, а между тем, сам хочешь быть членом их общества. Но ты не прав перед богом отцов наших, Самуил. Не дал ли он тебе все, чтобы быть счастливым и даже возбуждать зависть? Ты молод, здоров телом и духом, богат. Берегись, Самуил, провиниться перед Богом, вступая в слишком дружеские сношения с нашими врагами; они будут тебя ласкать, пока им это нужно, и оттолкнут, как нечистую собаку, как только будут в силах обойтись без тебя.

Но раз мы заговорили на эту тему, я хочу спросить тебя, сын мой, что с тобой? Вот уже несколько месяцев я с прискорбием замечаю в тебе перемену: ты бледен, рассеян, нервен и плохо занимаешься делами. Скажи, что волнует тебя?

— Можешь ли ты снисходительно выслушать меня, отец? Я знаю, мое признание покажется тебе ужасным, а между тем я погибну, если, если...

Самуил снова опустил в кресло и провел платком по своему разгоряченному лицу.

— В чем бы ты ни признался, я хочу знать истину. Ты не раз мог убедиться в моем отцовском к тебе снисхождении.

— Это правда, отец. Слушай же меня терпеливо. Около семи месяцев тому назад я был, как ты знаешь, в нашем Рюденгорфском поместье и раз утром поехал в лес, который тянется до владений графа Маркош. Вдруг я слышу крик и призыв на помощь. Я кинулся в ту сторону и увидел лошадь, лежавшую на земле вместе со всадницей. Когда я подбежал, лошадь поднялась и бросилась на меня, волоча за собой амазонку, нога которой оставалась в стремях. Я быстро схватил лошадь за повод и вынул из стремени ногу бедняжки. Испуганная лошадь кинулась в сторону, вырвалась у меня из рук и умчалась. Я наклонился к всаднице, еще лежавшей на земле, и поднял ее. Это была молодая и совершенно незнакомая мне девушка. Она была так дивно хороша, что я стоял очарованный. Шляпа ее упала, и две густые косы пепельного цвета лежали в беспорядке на ее плечах. Вдруг я увидел капли крови на ее лбу.

— Вы поранились при падении? — спросил я взволнованно.

Она подняла на меня испуганные глаза, но ничего не ответила. Полагая, что от испуга она не может говорить, я нашел необходимым освежить ей голову и перевязать ее рану. Неподалеку был ручей; я поспешил к нему и, смочив в воде мой платок, бегом вернулся обратно, но нашел молодую девушку без чувств. Я смочил ей виски, перевязал рану, которая, впрочем, была незначительной, но ничто не помогало: она не приходила в себя, и это ставило меня в большое затруднение. Я не знал, кто она и где живет, а оставить ее одну боялся. Наконец, подняв ее на руки, я бережно понес ее к нашему дому и не мог налюбоваться прелестным созданием. Когда я, запыхавшись, подошел к дому и прислуга наша увидела в моих руках бесчувственную девушку, мне помогли положить ее на диван. Вдруг мой камердинер Стефан, принеший подушку, сказал:

— Да это молодая графиня Маркош, сестра графа Рудольфа; я знаю ее камеристку Марту, да не раз видел и графиню.

— Если так, — сказал я ему, — то пошли скорей верхового известить графа, что сестра его спасена и находится здесь.

— Граф Рудольф не гусарский ли офицер, который часто бывает у тебя? — спросил старый Мейер. — Его отец камергер двора?

— Да, это он.

— А ты даже не знал, что у него есть сестра? — сказал Авраам с насмешливой улыбкой. — Ты, может, тоже не знаешь, что оба запутались в долгах, и в моем портфеле немало векселей отца и сына. Но продолжай.

— Наконец Валерия, так зовут графиню, открыла глаза и искренне благодарила меня за спасение жизни.

— Вы преувеличиваете, графиня, — сказал я смеясь. — Вся моя заслуга заключается в том, что я пришел вовремя.

Узнав, что я уведомил домашних, она протянула мне руку с такой добротой, улыбаясь, что я совсем был очарован. Затем она приняла мое предложение выпить что-нибудь прохладительное и рассказала, что получила образование в Швейцарии, провела затем целый год в Италии, недавно приехала в деревню и надеется, что мы будем добрыми соседями. Я с восторгом слушал ее, и когда ее лазурные глаза, ясные и радостные, взглянули на меня, то сердце мое забилося тревожно: я был околдован.

Приезд графа Рудольфа прервал нашу беседу. Он поцеловал сестру, дружески поблагодарил меня за оказанную помощь и присланное мною уведомление, которое их успокоило, так как лошадь Валерии прибежала вся в пене и с окровавленными коленями. Затем он сказал, что надо скорей успокоить отца, и подал руку сестре. Я проводил их до крыльца, и Валерия, прощаясь со мной, сказала:

— Надеюсь, мы будем часто видеться с вами. Папа будет счастлив выразить вам свою благодарность; без вашей помощи я разбила бы себе голову о камни и корни деревьев.

